

О. Б. БУБЕНОК

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ САРКЕЛА В СТЕПЯХ ВОЛГО-ДОНЬЯ

Крепость Саркел, отождествляемая современными археологами с Левобережным Цимлянским городищем в степном Подонье, буквально с момента ее основания заняла важное место в истории не только Хазарского каганата, но и соседних государств, в первую очередь Византии. Поисками места крепости, а затем её идентификацией с обнаруженными на Нижнем Дону поблизости от станицы Цимлянской остатками кирпичных стен и сооружений занимались многие исследователи (рис. 1). Но окончательным подтверждением того, что хазарская крепость Саркел находилась именно здесь были раскопки М.И. Артамонова в 1934–1936, 1949–1951 годах [Артамонов, 1940]. Однако для К.В. Кудряшова такая локализация Саркела оставалась неубедительной, потому что это не согласовывалось с его концепцией о нахождении этой крепости в местах прохождения важных коммуникаций, которые, по его мнению, Саркел должен был защищать [Кудряшов, 1948, с. 9–41].

До настоящего времени у исследователей так и не сложилось единого мнения относительно предназначения хазарской крепости Саркел, хотя уже сегодня ученые единодушно отождествляют Саркел с Левобережным Цимлянским городищем. Так, наиболее распространенным является мнение, что крепость Саркел должна была отражать нападение венгров, которые из союзников превратились во врагов хазар. Этого мнения придерживались А. Е. Крымский [Кримський, с. 170–171], А. П. Новосельцев [Новосельцев, 1990, с. 131–132], К. Цукерман [Цукерман, 1998, с. 663–668] и многие другие исследователи. Однако они так и не объяснили, каким образом Саркел, расположенный на левом берегу Дона, мог препятствовать продвижению венгров вглубь Хазарского каганата?

М. И. Артамонов считал, что крепость Саркел была построена хазарами для обороны от нападений западных соседей, которыми в начале IX в. стали славяне, создавшие “Русское государство” [Артамонов, 1962, с. 296–297]. Весьма характерно, что данная гипотеза с некоторыми изменениями в настоящее время отстаивается Л. В. Войтовичем, который, однако, видит в этих русах не славян, а викингов.¹

¹ Данную идею Л. В. Войтович высказал в рукописи статьи «Чи володіла Хозарія Середнім Подніпров'ям у 839-860 рр.?,» выход которой планируется в 11-м томе «Хазарского альманаха».

Однако эти исследователи так и не объяснили, как Саркел мог препятствовать продвижению русов по водным коммуникациям в центр каганата?

В соответствии же последним выводам С. А. Плетневой, хазарская крепость Саркел возникла, прежде всего, как торговый центр, который находился на пересечении важных сухопутных торговых путей (рис. 2). Эти же функции Белая Вежа, по мнению исследователя, продолжала выполнять и в древнерусский период. В качестве доказательства этого С. А. Плетнева привела результаты раскопок караван-сараев на территории Саркела, а также сведения о древних степных путях, проходивших вблизи от крепости [Плетнева, 1996, с. 142–158]. Однако С. А. Плетнева так и не объяснила, как это увязывается с расположением Саркела на левом берегу Дона?

«Торговой» концепции придерживался также академик А. Е. Крымский, который по этому поводу отметил: «...мадяри та “хазари-кавари”, дарма що принципово не одкидали хазарського сюзеренітета (це бо з Костянтина Порфирородного видко як-найвиразніш), показувалися для столичних орударів хазарської держави не зовсім любимими західноукраїнними сусідами, щоб таких васалів держати справді в своїх руках або не давати їм спромоги псувати своєю хижачкою самоволею, добре налагоджене торгове життя хаканату, випадало поставити проти їх на кордоні їхньому міцну **твердиню**, грізний неприступний форт, звідки можна б було кожного разу негайно припинити їхні самовільні вибрики» [Кримський, арк. 269–281]. Аналогичного мнения придерживался также А. П. Новосельцев, который по этому поводу выразился еще более определенно: “Район Саркела имел важное значение, так как здесь проходил путь с Дона на Волгу” [Новосельцев, 1990, с. 131]. Однако упомянутые исследователи так и не объяснили, как мог Саркел, расположенный на левом берегу Дона, способствовать развитию торговли в Волго-Донье?

Эта неопределенность заставляет обратиться к анализу не только сведений письменных источников и политической ситуации в регионе в начале IX в., но и данным топографического характера, характеризующим местность, где была построена византийско-хазарская крепость Саркел.

Так, относительно причин и обстоятельств сооружения данного укрепления именно в Нижнем Подонье Константин Багрянородный сообщает, что поводом к строительству Саркела на берегу Танаиса (Дона. – О. Б.) была просьба хазар, и ее построил византиец Петрона “по прозвищу Катамир” [Константин, 1991, с. 170–171]. Продолжатель Феофана отмечает, что крепость Саркел разделяла печенегов и хазар [Продолжатель Феофана, 2009, с. 84]. Иоанн Скилица и Георгий Кедрин отмечают, что защита от нападений печенегов была целью сооружения Саркела [Ioanus Scylitzes, 1973, с. 73; Georgius Cedrenus, 1839, с. 130]. Однако необходимо учесть, что Продолжатель Феофана написал продолжение хроники Феофана Исповедника в 950 г., Иоанн Скилица и Георгий Кедрин написали свои сочинения в конце XI – начале XII вв., т. е. они

во временном контексте были более отдалены от событий первой половины IX, чем Константин Багрянородный. Поэтому имеет смысл поддержать мнение С. А. Плетневой и К. Цукермана, что в данной ситуации византийские авторы перепутали печенегов с венграми, которые в первой половине IX в. стали угрожать хазарам с запада [Плетнева, 1996, с. 142; Цукерман, 1997, с. 664].

Однако Константин Багрянородный не сообщает о венгерском факторе, как о поводе к строительству Саркела, что позволяет считать данный вопрос еще не решенным до конца. Несмотря на это, большинство исследователей придерживается мнения, что угроза исходила со стороны венгров, которые начали угрожать владениям хазар в 30-е годы IX в. Наличие угрозы извне подтверждают сведения Константина и Продолжателя Феофана о военном гарнизоне Саркела в триста человек, сменяемых ежегодно [Константин, 1990, с. 170–171; Продолжатель Феофана, 2009, с. 84]. Исходя из этого, получается, что Саркел был построен как военная крепость для защиты от нападения со стороны соседей.

Большой интерес представляет и дата сооружения Саркела. Константин Багрянородный сообщает, что Саркел был построен во времена византийского императора Феофила, который царствовал с 829 г. по 842 г. [Константин, 1991, с. 170–171]. Георгий Кедрин и Продолжатель Феофана уточняют, что эта крепость была построена между 834 и 837 гг. [Theophanes Continuatus, 1838, с. 122–124; Georgius Cedrenus, 1839, с. 130]. В свое время Ф. И. Успенский пытался доказать, что византийские историки неправильно указали дату постройки Саркела, из чего следовало, что Саркел был построен византийцами при императоре Льве Мудром, т. е. около 904 года [Успенский, 1889]. Однако В. Г. Васильевский подверг эти утверждения справедливой критике и показал, что Саркел должен был быть построен в 30-е гг. IX в., но не в начале X в. [Васильевский, 1889, с. 273–289]. Однако К. Цукерман по поводу даты строительства крепости высказался более категорично: «Что же касается хазарского посольства, прибывшего с ходатайством о помощи Византии в постройке Саркела, то оно было принято императором Феофилом в конце лета 839 г.» [Цукерман, 1997, с. 666]. Таким образом, получается, что Саркел должен был быть построен после 839 г. С какими событиями в Северном Причерноморье это было связано?

Исследователи неоднократно отмечали, что именно в этот период письменными источниками было зафиксировано первое появление венгров в степях Северного Причерноморья, на запад от Днестра. Именно этот фактор должен был значительно сблизить интересы хазар и византийцев в первой половине IX в., ибо воинственные венгры оказались не только на границах Хазарского каганата, но и на подступах к Византийской империи.

Так, уже в 836–837 гг. венгры стали участниками событий в Северо-Западном Причерноморье, о чем сообщили византийские информаторы. Продолжатель Георгия Амартола и другие византийские авторы сообщают, что в 813 г. двенадцать тысяч «македонцев» (византийцев. – О. Б.) попали в болгарский плен

под Адрианополем и были переселены болгарами на северную сторону Дуная, между Серетом и Днестром. Однако впоследствии пленные подняли мятеж с целью вернуться в Византию на кораблях, присланных с родины. Болгары, которые были заняты войной с Византией, не смогли остановить мятежников и были ими отбиты. Тогда болгары обратились за помощью к уграм (венграм), которые напали на греков. Однако греки победили угров и вернулись на родину. Именно это событие состоялось во время византийско-болгарской войны 836–837 гг. [Артамонов, 1962, с. 341–343; Цукерман, 1998, с. 664]. Следовательно, уже в 30-е годы IX в. часть венгров оказалась в степях на запад от Днепра, и тогда у хазар и византийцев появился общий враг – венгры, что произошло накануне строительства крепости Саркел. Поэтому исследователей всегда интересовал вопрос, касающийся причин строительства данного укрепления именно в том месте, где находилась Левобережная Цимлянская крепость.

В свое время М. И. Артамонов исследовал на правом берегу Дона, напротив того места, где был построен Саркел, остатки небольшой, но крепкой крепости, которая получила впоследствии название Правобережное Цимлянское городище. Она была расположена на высоком правом берегу Дона и контролировала переправу. По наблюдениями М. И. Артамонова, «по времени возникновения крепость, судя по всему, не выходит за пределы VIII в.» [Артамонов, 1962, с. 321]. Следовательно, эта крепость была построена для того, чтобы мешать переправе врага с востока. Получается, что в те времена наибольшую опасность для хазарских территорий могли представлять нападения кочевников, которые могли перейти Волгу и двигаться дальше на запад через Дон вглубь хазарской территории. Как это могло происходить в зимний период на примере гузов в первой половине X в. описывает ал-Мас'уди [Минорский, 1963, с. 198–199]. Следовательно, хазары почти были бессильны против нападений кочевников в этом районе в зимний период. Но в период навигации ситуация была иной.

В связи с этим большой интерес представляют время и обстоятельства гибели Правобережного Цимлянского городища. Буквально до недавнего времени исследователи, в основном, полагались на результаты исследований М. И. Артамонова, который на основе анализа материала нумизматического характера, найденного около скелетов погибших защитников крепости, сделал предположение, что «крепость была разгромлена в первой трети, если не четверти, IX в., во всяком случае до строительства Саркела» [Артамонов, 1962, с. 322]. И этот вывод долгое время являлся аксиомой для многих исследователей. Необходимо учесть, что угры-венгры выступили в качестве противников византийцев в византийско-болгарской войне 836–837 гг., т. е. прекратили подчиняться хазарам и начали проводить самостоятельную политику. Получается, что тогда Правобережную крепость могли разгромить мадьяры, вышедшие из-под власти хазар. Если следовать именно этой логике, то должно получиться, что Саркел был задуман как защита от венгров, проживавших на запад от Дона. Казалось бы, это могут подтвердить данные топографии.

По наблюдениям К. В. Кудряшова, более 60 лет назад, т. е. до строительства Цимлянского водохранилища, ситуация выглядела следующим образом (рис. 2): “Правобережное городище, находящееся в 7 км ниже станицы Цимлянской, расположено на самом берегу Дона и заключено между двумя глубокими балками”; “Левобережное городище расположено восточнее предыдущего на невысоком берегу старого русла Дона в 4 километрах от современного русла реки” [Кудряшов, 1948, с. 11].

Особенности последнего (рис. 1) М. И. Артамонов охарактеризовал следующим образом: “Саркельское городище находилось на невысоком мысу коренного берега реки, образовывавшей здесь небольшую излучину. Этот мыс, имевший около 10 га площади, был отрезан от прилегающей части берега широким и глубоким рвом и оставшимся не законченным валом. Конец мыса, площадью не более 3 га, был отделен вторым рвом, за которым и помещалась кирпичная крепость. Произведенными здесь раскопками установлено, что она имела в плане форму прямоугольника длиной в 186 и шириной в 125 м” [Артамонов, 1962, с. 300].

Поэтому следует обратить внимание на наблюдение М. И. Артамонова относительно назначения крепости: „Саркел был построен не на речном, а на сухопутном пути при переправе через реку, и он должен был укрепить положение хазар, которое пошатнулось в их западных и северо-западных владениях, куда вел путь из центра Хазарии – Итиля на Нижнюю Волгу. Находясь при самой переправе и имея хорошие коммуникации с тылом, то есть собственно Хазарией, крепость была защищена от врагов, которые появлялись с запада, не только стенами, но и широкой рекой” [Артамонов, 1962, с. 299–300].

Аналогичную ситуацию в хазарское время мы можем наблюдать, например, в лесостепном Подонье. Так, относительно назначения салтовских укреплений в бассейне Северского Донца в своей специальной статье Г. Е Свистун отметил следующее: «Как правило, салтовские городища размещались на высоких правых берегах вблизи переправ. Именно этим объясняется то, что целый ряд таких фортификационных пунктов устраивался и в дальнейшие времена возобновлялся на одном и том же месте в различные исторические периоды.... В подтверждение роли городищ как пунктов контроля переправ может служить совпадение их местоположения с бродами. Так, например, на отрезке Оскола, где броды отсутствовали, салтовские городища неизвестны.» [Свистун, 2012, с. 153].

Таким образом, наблюдения М. И. Артамонова позволяют считать, что Саркел и более ранняя Правобережная крепость находились по берегам переправы через Дон и соответственно политической ситуации должны были оборонять территории каганата от набегов кочевников сначала с востока, а потом со стороны запада, ибо кочевникам было удобно переправляться через переправу именно здесь [Артамонов, 1962, с. 299–300]. Следовательно, первоначальной функцией местного салтовского населения в конце VIII – в начале IX в. были

охрана и обслуживание переправы через Дон. Однако это была не единственная переправа через Дон.

Именно на это обратил внимание К. В. Кудряшов, который использовал данные летописного описания путешествия Пимена по Дону в 1389 году (рис. 3), где указано, что путешественники миновали “град Серкелию”, а также “перевоз”. Основываясь на собственных расчетах, отличных от наблюдений М.И. Артамонова, К.В. Кудряшов сделал следующий вывод: «По смыслу текста “Хождения” Саркел и Перевоз находятся в непосредственной близости друг к другу. “Великую Луку” Дон образует там, где его течение, сближаясь с Волгой, упирается в известную Волго-Донскую переволоку, т. е. возвышенность или водораздел, проходящий здесь между бассейном Волжским и Донским. В месте наибольшего сближения Дона с Волгой расстояние между ними не превышает 60 километров. Самое название этого водораздела “переволокой” объясняется совпадением его с местом древнейшего волока при переправе судов из бассейна Черного моря в Каспийский» (рис. 4) [Кудряшов, 1948, с. 28]. Как доказательство этого К. В. Кудряшов видит в “Перевозе” остров Перевозный из Атласа Корнелиуса Крюса (рис. 5), находящийся там же [Кудряшов, 1948, с. 30]. Стало быть, К. В. Кудряшов считал, что Саркел должен был находиться возле переволоки и охранять подступы к ней. Однако за неимением археологических данных исследователь так и не смог определить точное нахождение Саркела именно в том месте.

В данной ситуации обращает на себя внимание то, что недалеко от Левобережного Цимлянского городища находился волок между Доном и Волгой. О важности данной коммуникации свидетельствуют некоторые мусульманские географы начала X в. До начала X в. мусульманская географическая традиция находилась под значительным воздействием представлений времен античности, и поэтому в своих сочинениях ученые халифата обычно отмечали, что Черное и Азовское моря были соединены проливом с Каспийским морем и таким образом представляли собой одно целое. Однако с активизацией торговой и военной деятельности русов мусульманские географы в своих сочинениях в начале X в. уже начали косвенно отмечать существование сухопутного сообщения между Доном и Волгой. К числу таких сочинений историко-географического характера следует отнести трактат ал-Мас‘уди “Мурудж аз-Захаб”.

Сам анализ сведений ал-Мас‘уди о сообщении Черного и Азовского морей с Каспийским свидетельствует о том, что в его сочинении были использованы две системы знаний: книжная традиция, уходящая своими корнями во времена античности; свежая информация, полученная непосредственно от купцов и очевидцев описанных событий. К первой системе следует отнести утверждения ал-Мас‘уди, согласно которым Черное и Азовское моря соединены с Каспийским посредством пролива.

Так, уже в начале 17-й главы своего сочинения ал-Мас‘уди отмечает, что

Волга “вытекает из верхних частей тюркских земель”. При этом ал- Мас’уди подчеркивает, что “от нее рукав течет в направлении страны бургар (*нахва билад ал-Бургар*) и впадает в Майтас (Мэотис)”. Именно такой вариант дословного перевода предложил Барбье де Мэнар. В. Минорский же считал это ошибкой, потому что был уверен, что страна булгар находилась лишь на севере, на Средней Волге” [Минорский, 1963, с. 192–193]. Далее сведения ал-Мас’уди выдержаны в более традиционном духе: “В верхней части хазарской реки (Волги – *О. Б.*) есть проток (масабб), вливающийся в залив моря Нитас (Понт) – море русов” [Минорский, 1963, с. 196–197]. Эта же информация повторяется в начале повествования о походе русов на Каспий после 300 г. х. (912 г.): “500 судов (маркаб) их прибыли в пролив (халидж) Нитаса (Понта), соединенный (муттассил) с Хазарским морем.... Иногда рукав, который соединяет реку хазар (Волгу) с проливом Понта, замерзает...” [Минорский, 1963, с. 198]. Таким образом, можно согласиться с тем мнением исследователей, что под проливом, упомянутым ал-Мас’уди, следует подразумевать волок – сухопутный путь для перетягивания кораблей от Дона к Волге в месте наибольшего сближения этих рек, недалеко от хазарского Саркела [Минорский, 1963, с. 196, прим. 32, с. 198, прим. 45].

О том, как могли купеческие суда преодолевать волок между Волгой и Доном, К. В. Кудряшов, основываясь на данных первой половины XIX в., отмечает: “переправлялись целые суда, разбираемые на Волге и вновь собираемые на Дону, причем небольшие суда перевозились на колесах неразобранными. Не напрасно, таким образом, один русский ученый (И. Забелин. – *О. Б.*) предполагал, что русы X в. перевозили свои суда по Волго-Донскому волоку на колесах” [Кудряшов, 1948, с. 29]. Однако данное предположение не соответствует информации византийских авторов. Так, Константин Багрянородный в 9 главе своего сочинения “Об управлении империей” отмечает способ преодоления русами порога Аифор или Неасит: “Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моносилы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внеся груз, входят сами и снова отплывают” [Константин, 1991, с. 49–51]. На реконструкции Й. Хермана (рис. 6) показано, что у викингов такой вид транспортировки судна был весьма трудоемок и требовал дополнительно еще бревна, что в степи было весьма трудно найти.

О том, как использовали русы волок между Доном и Волгой, может свидетельствовать следующая информация ал-Мас’уди о походе русов на Каспий после 300 г. х. (912 г.). По данным ал-Мас’уди, согласовав свои действия с хазарским царем и пообещав ему часть добычи, русы “вошли в пролив, достигли устья реки (Дона. – *О. Б.*) и стали подниматься по этому рукаву, пока не добрались

до Хазарской реки (Волги. – *О. Б.*), по которой они спустились до города Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское море...”. Находясь в Каспийском (Хазарском) море, русы занимались грабежом мусульман. По возвращении русы были встречены в районе Атиля войсками хазарских мусульман, среди которых ведущее место принадлежало хазарским наемникам “ларисийа”, которые не знали об уговоре хазарского царя с русами. В результате победу над русами одержали хазарские мусульмане [Минорский, 1963, с. 199–200; Гаркави, 1870, С. 131–132; Голб, Прицак, 1997, с. 167–168]. Дальнейшие события в переводе А. Я. Гаркави, который наиболее близок к арабскому тексту, развивались следующим образом: “Около же 5 000 из них спаслись и отправились на судах в страну, примыкающую к стране Буртас, где они оставили свои суда и стали на суше; но из них кто был убит жителями Буртаса, а кто попался к мусульманам в стране Бургар и те убили их” [Гаркави, 1870, с. 133]. В связи с этим имеет смысл вспомнить замечание М. И. Артамонова, согласно которому русы “высадились на берег, вероятно, для того, чтобы перебраться на Дон прежней своей дорогой” [Артамонов, 1962, с. 370].

Отсюда следует, что буртасы проживали возле волока между Волгой и Доном, а одно из болгарских племен проживало недалеко от них (рис. 7). Вполне вероятно, что именно об этих буртасах ал-Мас‘уди сообщал следующее: “Здесь же хазарским царем поставлены в большом количестве люди, которые удерживают приходящих этим морем (Найтасом – *О. Б.*), также приходящих сухим путем с той стороны, где полоса Хазарского моря соединяется с морем Найтас”” [Минорский, 1963, с. 131]. А это означает, что недалеко от Саркела хазарской администрацией было специально оставлено население, в функцию которого входил контроль над волоком между Доном и Волгой, что предполагало и защиту близлежащих переправ от вторжений кочевников (напр. переправа на о. Перевозном выше по течению Дона).

В нашей ситуации нельзя согласиться с мнением М. И. Артамонова, А. А. Тортики и некоторых других исследователей, что переволока начала использоваться как „транзит для русов” лишь с конца IX в. [Артамонов, 1962, 299; Тортика, 2006, с. 479]. Этому противоречит информация о миссии Константина Философа ко двору хазарского кагана. По данным Жития, около 861 г., т. е. менее чем через 30 лет после сооружения Саркела, “Сев на корабль, [Константин] отправился на хазарскую землю между Меотийским озером и Каспийскими воротами Кавказских гор” [Житие Константина]. Исследователи единодушны во мнении, что в этой информации содержится указание на то, что Константин направился из Азовского моря в Каспийское именно благодаря сухопутному волоку, который соединял Дон и Волгу. Текст Жития Константина Философа свидетельствует о том, какими маршрутами могли византийцы добираться до хазарской столицы – г. Итиля: водным, благодаря существованию переволоки между Доном и Волгой; сухопутным – через степи Северного Кавказа.

Вероятнее всего, что в столицу Хазарии из Византии попадали, прежде всего, византийские купцы.

К. В. Кудряшов привел примеры того, насколько уязвимым был этот сухопутный путь из Дона на Волгу: “В 1374 г. итальянский пират Луккино Тариго с вооруженным отрядом на нескольких лодках вышел на Дон, по волоку проник на Волгу, где стал нападать на торговые суда и награбил богатую добычу. На обратном пути итальянцев через степь часть добычи у них отбили...”; “Сознавая важное военно-стратегическое значение Волго-Донского волока, Петр I приказал устроить здесь для защиты от кочевников укрепленную Царицынскую линию, которая в виде рва и вала, укрепленного палисадом, протянулась в 1717 г. от Царицына до самого Дона к нынешней Качалинской станице” [Кудряшов, 1948, с. 28–29]. К. В. Кудряшов верил в существование возле волока не только Саркела, но и упомянутого укрепления в хазарский период. На основании этого он сделал следующий вывод: “Построение крепости на Дону в этом месте имело большое значение. Саркел и начинавшийся от него ров могли служить защитой Хазарии как от азиатских кочевников, подступавших к Волге, так и от степняков, грозивших со стороны Дона, из причерноморских степей...” [Кудряшов, 1948, с. 29]. Однако в районе волока не найдены следы такого вала и рва хазарского времени, как и не обнаружены на берегу Дона следы крепости, которую можно было бы отождествить с Саркелом.

Поэтому можно представить ситуацию, если бы на месте переправы возле ст. Цимлянкой, отстоящей на незначительном расстоянии от волока между Доном и Волгой, в хазарское время не было бы Левобережной крепости. Путешествующие водным путем купцы во время перетягивания кораблей сушей могли бы стать легкой добычей кочевников, перешедших беспрепятственно с правого берега Дона на левый. Тактика кочевников предполагает быстрое отступление обратным путем после совершения грабительского рейда. Если учитывать расстояние одного дневного перехода конного воина в 40 км, то путь от Саркела до волока кочевники могли преодолевать за 3-4 дня.

С учетом важности волока при продвижении в Нижнее Поволжье из Дона имеет смысл обратить внимание на данные письменных источников о походах русов против хазар, приведших к падению каганата. Поэтому обратим сначала внимание на сведения “Повести временных лет” о походе Святослава против хазар в 965 г., где в большинстве списков этой летописи сказано: “В лето 6473. Иде Святослав на Козары; слышавше же Козары, и изидоша проитиву с князем своим Коганом, и сосупишося обои; и одоле Святослав Козаром, и град их Белую Вежу взя; и Ясы победы и Касоги” [Воскресенская, 1956, с. 287; Ипатьевская, 1843, с. 246]. По мнению М. Грушевского [Грушевский, 1994, с. 462], Т. М. Минаевой [Минаева, 1971, с. 199], А. П. Новосельцева [Новосельцев, 1990, с. 220], Г. Ф. Турчанинова, [Турчанинов, 1971, с. 75], войско Святослава двигалось с запада на восток и должно было встретить ясов вблизи Саркела на

Нижнем Дону, а касогов – в Прикубанье или в низовьях Дона (рис. 7). Выходит, что русы в 965 г. захватили лишь Нижний Дон, от устья до переволоки, создав плацдарм для последующей экспансии на Хазарский каганат. Дальнейшие события нашли описание в сочинении Ибн Хаукаля: „И произвели нашествие на все это русы и погубили все, что принадлежало на реке Итиле всем созданиям божьим из хазар, болгар и бургасов и овладели ими...” [Бартольд, 1940, с. 35]. А.П. Новосельцев считал, что Ибн Хаукаль упоминает поход, который состоялся не в 965 г., а чуть позже – в 968 г. [Новосельцев, 1990, с. 220]. Таким образом, получается, что тот, кто владеет Саркелом, тот имеет контроль над волоком от Дона к Волге.

Такое объяснение могло бы быть приемлемым, если бы после 839 г. была построена лишь одна Левобережная крепость, а Правобережная в этот период и вовсе не функционировала, как это пытался обосновать М. И. Артамонов. Однако опубликованные в 1995 г. в IV выпуске МАИЭТа результаты исследований Правобережного Цимлянского городища, проведенные С. А. Плетневой [Плетнева, 1995] и В. С. Флеровым [Флеров, 1995], позволяют усомниться в выводах М. И. Артамонова, а значит, и по-другому взглянуть на решение проблемы.

Так, С. А. Плетнева на основе анализа материалов, полученных при раскопках Правобережного Цимлянского городища в 1958–1959 гг., пришла к нетрадиционному выводу, что на Правобережном городище после его разрушения «жизнь на поселении возникла, судя по монетному кладу, во всяком случае не ранее начала IX в. и длилась по вторую его половину, то есть не более 50 лет» [Плетнева, 1995, с. 333]. Далее С. А. Плетнева утверждает, что это поселение вскоре было разрушено, а потом снова заселено. Последние дни Правобережного поселения исследователь представляет следующим образом: «Видимо, между этими двумя событиями прошло примерно 10-15 лет, то есть через 40-50 лет после постройки Саркела» [Плетнева, 1995, с. 334]. Остается только уточнить, на чем базируется данное предположение?

Во-первых, для самой ранней датировки стал важен клад, обнаруженный на Правобережном поселении. На основании этих находок С. А. Плетнева сделала вывод, что «поздние дирхемы все же дают нам право говорить о том, что они попали на поселение примерно в начале IX в.» [Плетнева, 1995, с. 332].

Во-вторых, С.А. Плетнева обратила внимание на присутствие на Правобережном поселении кирпичей из Саркела: «Поселение, очевидно, было синхронно Саркелу времени постройки крепости и возникновения в ее стенах городка, когда там началась частичная перепланировка и разборка кирпичных, ставших ненужными, построек. Последнее подтверждается тем, что в нескольких жилищах (№№ 2, 4, 8, 16, 20, 36) на полу, обычно в качестве части какой-то “обстановки”, находились саркельские кирпичи стандартных для этой крепости размеров (24 x 24 x 5), причем с остатками немного соскобленной или отколотой извести. Такие же кирпичи были обнаружены и в заполнении жилищ (№№25, 37,

39), а это значит, что они относились к тому же культурному слою, который окружал жилище и затем, после его гибели, заполнял котлован. Обломки кирпичей толщиной в 5 см обнаружены в заполнении еще пяти жилищ (№№ 5, 25, 36, 37, 38). Очевидно, все эти кирпичи попали на Правобережное поселение из Саркела – просто были утаены владельцами жилищ, когда там разбирали ту или иную кладку» [Плетнева, 1995, с. 332].

В-третьих, С. А. Плетнева руководствовалась анализом керамики из Правобережного поселения: «Для установления (хотя бы приблизительно) времени гибели поселения следует учитывать практически полное отсутствие на нем красноглиняных кувшинов (найден всего один обломок) и поливной ранней зеленой керамики. Кувшины получили распространение в Саркеле с самого начала существования (вернее, образования) городка, то есть с середины IX в., а полива – с первых десятилетий X в. Отсутствие этих же категорий керамической посуды в Фанагории, в то время как в соседней Тмутаракани обломки их заполняли культурный слой, естественно, привело меня к выводу о том, что Фанагория просто не дожидая до распространения этой керамики. То же, видимо, произошло и с Правобережным поселком – он погиб примерно в 70-х IX в. Его жители не успели освоить красноглиняные кувшины и, видимо, так и не увидели ни одного поливного сосуда» [Плетнева, 1995, с. 333].

В четвертых, С.А. Плетнева обосновывает последнее заселение Правобережного поселка уже в конце IX в. присутствием в нескольких жилищах поселения белокаменных блоков местного, а не саркельского происхождения. По ее словам, «полное отсутствие стандартизации и сходства с прекрасно обработанными крепостными блоками с очевидностью свидетельствуют об отсутствии каких-либо связей со строительными приемами или со строителями крепости владельцев жилищ, в которых были обнаружены меловые блоки» [Плетнева, 1995, с. 334].

Однако не все аргументы С. А. Плетневой, как и М. И. Артамонова, оказались убедительными для В. С. Флерова, автора раскопок Правобережного Цимлянского городища в 1987–1988, 1990 гг. Так, мнение исследователя о времени существования Правобережной крепости несколько отличается от предположений С. А. Плетневой: «1) крепость не была разгромлена печенегами, появившимися позже; 2) гражданская война в Хазарии относится к первой трети IX в.; добавлю, что вызванные ею столкновения наверняка продолжались и дольше; 3) Правобережная крепость была уничтожена самими хазарами в результате внутренней борьбы. Однако, в отличие от М. И. Артамонова, я допускаю (в частности, в связи с нерешенной проблемой происхождения кирпичей), что крепость была разрушена не перед строительством Саркела, а несколько позже. М. И. Артамонов же полагал, что “самое построение Саркела было следствием разрушения Правобережной крепости”... Мое уточнение носит частный характер и не оспаривает тот факт, что с 834 г. и вплоть до 965 г. главным опор-

ным пунктом Хазарии на излучине Дона был Саркел. Что же касается находок из раскопок городища, то мы пока не в состоянии разделить их на относящиеся к первой трети и к середине IX в. Во всяком случае, массовый археологический материал показывает, что до X в. крепость не дожила» [Флеров, 1995, с. 488].

Как видим, наличие кирпичей из Саркела на территории Правобережного городища заставили В. С. Флерова придерживаться версии, близкой к гипотезе С. А. Плетневой. По этому поводу исследователь, в частности, отметил: «Приходится признать, что кирпичи начинают поступать в Правобережную крепость сразу же, как только было налажено их изготовление для Саркела, начало строительства которого М. И. Артамонов относил к 834 г. Итак, кирпичи в Правобережной крепости не только противоречат датированию ее по монетам не позднее середины IX в., но и позволяют внести важное уточнение: крепость какое-то время сосуществовала с ранним Саркелом» [Флеров, 1995, с. 486]. Однако, бросается в глаза, что В. С. Флеров говорит о Правобережной крепости, а С. А. Плетнева – о Правобережном поселении. Это расхождение существенно препятствует ответу на вопрос: для какой цели была построена Левобережная Цимлянская крепость напротив Правобережной, на месте которой к 30-40-м гг. IX в. мог возникнуть уже неукрепленный поселок?

Таким образом, получается, что во времена строительства Саркела угрозы с запада могло и не быть, ибо на противоположном правом берегу существовал неукрепленный поселок. Если же в это время продолжала функционировать Правобережная крепость, то угроза нападения могла быть значительной и исходить она могла не только от кочевников. В итоге получается, что строительство Саркела могло иметь различные причины. Поэтому имеет резон, прежде всего, проанализировать выводы С. А. Плетневой, согласно которым на ранних этапах существования Саркела на противоположном правом берегу существовало неукрепленное поселение. Вопрос в том, какие функции это поселение должно было выполнять? Непонятно также, почему враждебные хазарам кочевники-венгры сразу же его не уничтожили?

В связи с этим уместно вспомнить наблюдение М. И. Артамонова, что „Саркел был построен не на речном, а на сухопутном пути при переправе через реку» [Артамонов, 1962, с. 299–300]. При этом не следует сбрасывать со счетов мнение С. А. Плетневой, что хазарская крепость Саркел возникла, прежде всего, как торговый центр, который находился на пересечении важных сухопутных торговых путей, которые в хазарский период проходили через Дон в местах расположения Саркела и Правобережного поселения (рис. 2) [Плетнева, 1996, с. 142–158]. С этим наблюдением С. А. Плетневой согласуется другое ее же предположение, что в первые десятилетия существования Саркела на противоположном правом берегу функционировало неукрепленное поселение [Плетнева, 1995, с. 333–334]. Однако это было бы невозможно, если бы в этот период отношения между хазарами и венграми отличались военной конфронтацией.

Существование неукрепленного поселения на правом берегу можно объяснить тем фактором, который не зависел от политической борьбы между хазарами и венграми и имел для обеих сторон важное значение. Речь идет о торговле. О том, насколько купцы были желанны среди кочевников, например, свидетельствует Ибн Фадлан, который пишет о посещении мусульманскими купцами огузов в начале X в.: «И не может ни один мусульманин проехать через их страну без того, чтобы не сделать кого-либо из них своим другом, у которого он останавливается. Он привозит для него из страны ислама одежды, а для жены его покрывало, немного перца, изюма, орехов. Когда же он прибудет к другу, то тот разобьет для него юрту и доставит ему овец сколько может» [Ковалевский, 1956, с. 126–127]. По сведениям Ибн Фадлана, мусульманские купцы могли оставить у друзей-тюрок своих верблюдов и лошадей и на обратном пути забрать их [Ковалевский, 1956, с. 126–127]. Аналогичное отношение кочевников к купцам наблюдаем во многих кочевых социумах. Достаточно вспомнить привилегированное положение согдийских купцов на землях Тюркского каганата, или покровительство купцам со стороны Чингиз-хана и его потомков на землях Монгольской империи. Стало быть, это является характерной чертой кочевых обществ. Поэтому не стоит даже сомневаться, что в 30–40-е гг. IX в. к купцам относились благосклонно не только хазары, но и венгры, которые были очень заинтересованы в функционировании переправы через Дон, где находился Саркел. Таким образом, получается, что в неукрепленном поселении на правом берегу могли проживать те люди, которые занимались обслуживанием переправы через Дон.

Естественно, что неукрепленное правобережное поселение на правом берегу не могло помешать кочевникам форсировать брод через Дон, где на левом берегу им преграждала путь Левобережная крепость. Но кочевники в месте брода могли мешать сезонной навигации, ибо по мелководью они могли преграждать путь судам, идущим в направлении волока или обратно. Поэтому было бы оправданным одновременное сосуществование Правобережной и Левобережной крепостей. Как уже отмечалось, этой идеи одновременности крепостей придерживается В. С. Флеров [Флеров, 1995, с. 486].

Не следует сбрасывать со счетов то, что одновременное сосуществование на обеих берегах Дона двух крепостей могло также способствовать контролю над проходящими по реке судами, ведь мелководье на месте переправы задерживало продвижение кораблей, которые могли стать легкой мишенью для гарнизонов обеих крепостей. И эти суда могли быть отнюдь не торговыми. Не исключено, что с этим фактором могло быть связано следующее сообщение ал-Мас'уди о нахождении военного гарнизона в районе сухопутного волока между Доном и Волгой: “Здесь же хазарским царем поставлены в большом количестве люди, которые удерживают приходящих этим морем (Найтасом – О. Б.), также приходящих сухим путем с той стороны, где полоса Хазарского моря соединяется с морем Найтас” [Минорский, 1963, с. 131]. Стало

быть, Правобережная и Левобережная Цимлянские крепости вместе с гарнизоном в районе переволоки должны были защищать важнейший отрезок Волго-Донского пути не только от нападений кочевников в местах переправ, но и от военных кораблей предполагаемого противника. Неужели были правы те исследователи, которые считали, что крепость Саркел была построена хазарами в первой половине IX в. для обороны от нападений кораблей русов [Артамонов, 1962, с. 296–297]?

Необходимо отметить, что для восстановления сведений о роли Саркела в обороне Хазарской земли может иметь значение дата прекращения функционирования поселения, или укрепления, на противоположном правом берегу. Ведь его разрушение было кому-то выгодно. Так, В. С. Флеров считает, что Правобережная Цимлянская крепость прекратила свое существование к середине IX в. и «была уничтожена самими хазарами в результате внутренней борьбы» [Флеров, 1995, с. 488]. Однако зачем хазарам было уничтожать свою же крепость, защищавшую подходы к Саркелу? Хазарам было бы более удобно после захвата крепости лишь сменить в ней гарнизон. Полное уничтожение Правобережной крепости было выгодно не хазарам, а их конкурентам.

Как уже отмечалось, С. А. Плетнева на основе анализа керамики пришла к выводу, что Правобережный поселок, а не крепость, «погиб примерно в 70-х IX в.» [Плетнева, 1995, с. 333]. Назвать предполагаемых разрушителей поселения С. А. Плетнева так и не решилась. К. Цукерман склонен считать, что «нет оснований датировать разрушение поселения позднее 50-х гг. IX в., как всегда, с возможной поправкой в несколько лет в ту или другую сторону». «Это период, – отмечает далее исследователь, – наиболее напряженных отношений между венграми и Хазарским каганатом» [Цукерман, 1998, с. 683].

Если верить наблюдениям С.А. Плетневой, то последнее заселение Правобережного поселения состоялось еще в конце IX в., что подтверждается, по ее словам, присутствием в нескольких жилищах поселения белокаменных блоков местного, а не саркельского происхождения [Плетнева, 1995, с. 334]. Относительно времени функционирования этого позднейшего Правобережного поселения, возникшего на месте предыдущего поселка, С. А. Плетнева не смогла выразиться определенно: «Видимо, между этими двумя событиями прошло примерно 10–15 лет, то есть строительство началось где-то в 80–90-х гг. IX в., то есть через 40–50 лет после постройки Саркела. Поскольку разницы между материалами нижнего и верхнего горизонта Правобережного городища нам установить не удалось, датировать более точно и четко верхний слой в настоящее время не представляется возможным» [Плетнева, 1995, с. 334].

Со своей стороны, К. Цукерман склонен доверять предположению С.А. Плетневой о существовании этого позднейшего Правобережного поселения, но видит это несколько в ином ракурсе: «... появились новые поселенцы, вероятно, в конце 860-х годов. Занимались они ловлей рыбы, о чем свидетельствуют

отнесенные С. А. Плетневой ко второму слою горы рыбьей чешуи. В отличие от предшественников, их капитальные вложения были невелики: ни скотом, ни посевами они не рисковали. С другой стороны, в отношениях между хазарами и венграми был достигнут определенный *modus vivendi*, отразившийся в женитьбе Лебедии на знатной хазарке» [Цукерман, 1998, с. 683]. К сожалению, нам так и не известна верхняя дата существования этого позднейшего Правобережного поселения, но одно несомненно – это следует связывать с возобновлением функционирования переправы через Дон, которая продолжала выполнять свои функции и в более поздний печенежский период.

Весьма характерно, что в X в. Саркел стал важным экономическим центром не только для хазар, византийцев, русов, но и для кочевников. М. И. Артамонов считал, что эти кочевники составляли военный гарнизон крепости и могли оставить после себя, в отличие от салтовцев, не грунтовой, а курганный могильник. Исследователь высказал мнение, что эта часть населения Саркела состояла из принятых на службу к хазарам узов и печенегов, которые оставили после себя ранние подкурганные захоронения вблизи хазарского Саркела. Таким образом, если следовать логике М. И. Артамонова, то получается, что Саркельский курганный могильник мог возникнуть уже в первой половине IX в. [Артамонов, 1962, с. 308, 312]. Однако С. А. Плетнева в своей специальной статье, вышедшей еще в 1963 г. и посвященной курганному могильнику Саркела, отметила: “При изучении инвентаря бросается в глаза то, что в нем не встречено ни одной вещи, выходящей за рамки конца IX–XI вв. Все наиболее характерные вещи из могильника находят себе аналогии в хазарском или славянском слоях городища и на Беловежском кладбище. Это обстоятельство свидетельствует об одновременном существовании могильника и городища” [Плетнева, 1963, с. 258]. Что же касается этнической атрибуции погребенных на курганном могильнике, то С. А. Плетнева, как и М. И. Артамонов, придерживалась того мнения, что “в основном могильник представляет собой памятник, оставленный двумя народами – печенегами и торками (гузами)” [Плетнева, 1963, с. 259].

Однако со временем мнение С. А. Плетневой несколько изменилось, и в вышедшей в 1990 году специальной монографии она отметила, что “кочевнический курганный могильник возник, видимо, как и кладбища на насыпях-холмах, после взятия Саркела Святославом” [Плетнева, 1990, с. 95]. Что же касается происхождения кочевников, оставивших курганный могильник вблизи Саркела – Белой Вежи, то С. А. Плетнева существенно не изменила своего мнения: «... печенежское соединение, кочевавшее в окрестностях Саркела, пополнилось выходцами из огузских племен. Произошло “воссоединение” печенегов и огузов на новой занятой ими земле – в Нижнем Подонье. Этот процесс сложения в восточно-европейских степях печенего-огузской коалиции удалось, как мне кажется, проследить на частном конкретном примере – на беловежском курганном могильнике” [Плетнева, 1990, с. 95]. Само появление печенегов

в окрестностях Саркела С. А. Плетнева отнесла к рубежу IX–X вв. [Плетнева, 1990, с. 95]. Что же касается происхождения более поздних кочевников, находившихся в окрестностях Белой Вежи в конце X – начале XI вв., то в одной из своих последних монографий “Древнерусский город в кочевой степи” С.А. Плетнева отметила, что в городе служил гарнизон, состоявший “из двух народов – печенегов и гузов” [Плетнева, 2006, с. 245].

Данные некоторых письменных документов позволяют считать, что уже в хазарский период отдельные группы печенегов могли поселиться вблизи Саркела, чему способствовало наличие переправы через Дон. Так, Константин Багрянородный в начале 42-й главы своего сочинения “Об управлении империей” следующим образом описал ситуацию в первой половине X в.: “От понизовья реки Дунай, против Дистры начинается Пачинакия. Их места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар, в которой стоят триста таксеотов, сменяемых ежегодно” [Константин, 1990, с. 170–171]. Само замечание Константина о том, что в первой половине X в. восточная граница кочевий печенегов достигала хазарского Саркела, позволяет именно с ними связать начало функционирования курганного могильника вблизи крепости. Кроме того, анонимный автор компилятивного трактата “Худуд ал-‘Алам” отмечает существование на территории Хазарского государства во второй половине X в. особых “хазарских печенегов”, которые проживали на север от северокавказских аланов: “На восток от них горы хазар; на юг от них аланы; на запад от них море Гурз (Азовское. – О. Б.); на север от них страна Мирват” [Minorsky, 1937, p. 160]. Современные исследователи единодушны во мнении, что владения данной группы печенегов доходили до хазарского Саркела. О. Прицак считал, что этими „хазарскими печенегами” стало приазовское печенежское племя воротолмат [Pritsak, 1976, p. 14].

С. А. Плетнева с пребыванием печенегов возле Белой Вежи связала именно западный участок кочевнического могильника (19 насыпей), для погребений которого были присущи следующие черты (рис. 9) : 1) „под каждой насыпью в неглубокой могиле был похоронен на спине с руками вдоль туловища, ориентированный головой на юго-запад один умерший”; 2) „основная часть погребенных европеоиды-брахикраны”; 3) „преобладал обычай укладывать останки коня (чучело из головы, ног, отчлененных по пятый сустав, и шкуры) рядом с покойником”; 4) „пользовались жесткими удилами без перегиба” [Плетнева, 2006, с. 245].

Результаты археологических раскопок свидетельствуют о том, что в древнерусский период вблизи Белой Вежи продолжал функционировать курганный могильник, и тогда же возник восточный участок могильника. Этот некрополь был расположен на север и на северо-запад от христианского кладбища. Всего был раскопан 41 курган, из которых 9 не содержали погребений людей (кенотафы), в отличие от остальных курганов. Практически было раскопано 53 погребения

кочевников вблизи Белой Вежи (рис. 10). Погребения там, в основном, осуществлялись в могильных ямах под небольшими земляными насыпями, хотя иногда встречались и впускные погребения [Плетнева, 1963, с. 216–240; Плетнева, 1990, с. 5–41]. По данным С.А. Плетневой, во второй группе коня клали выше покойника – на приступку или прямо над умершим (рис. 11). Важно отметить и различия в форме удила: если в первой группе пользовались жесткими удилами без перегиба, а во второй удила были обычные – двухсоставные с перегибом. Эти факты позволили С. А. Плетневой связать восточный участок могильника с торками-огузами [Плетнева, 2006, с. 245].

Однако анализ погребального обряда на обоих участках курганного могильника свидетельствует о более сложной ситуации. Необходимо указать, что захоронения чучела коня рядом покойником в могильной яме (рис. 9) встречаются в обеих курганных группах в обратной последовательности: немного в западной (европеиды-брахикраны), например, в кургане № 54; и довольно часто в восточной (монголоиды и смешанные) под насыпями курганов №№ 5, 8, 16, 35, 48, 60 и т. д. Ситуация с погребением чучела коня, расположенного выше могильной ямы, на приступке (рис. 11), выглядит следующим образом: западная группа (европеиды) – курганы №№ 37, 40, 41, 43, 53, 45 и т. д.; восточная группа (монголоиды и смешанные) – курганы №№ 21, 34 и т. д. [Плетнева, 1990, с. 5–26, 73–78]. Таким образом, получается все наоборот: для западной группы было присуще преобладание тех погребений, где коня клали выше покойника – на приступке (рис. 11); в восточной группе преобладали те погребения, где в могильной яме рядом с покойником были положены остатки коня (рис. 9), хотя иногда встречались погребение первого типа.

Довольно интересно, что присущее для западной группы преобладание подкурганных захоронений, где коня клали выше покойника – на приступке (рис. 11), по наблюдениям самой С. А. Плетневой, получили распространение в севернопричерноморских степях в X – в начале XI вв., т. е. в печенежский период. Что же касается отдельных захоронений восточной группы Беловежского кочевнического могильника, где в могильной яме рядом с покойником были положены остатки коня (рис. 9), то это напоминает некоторые погребения в степях Северного Причерноморья, связываемые С. А. Плетневой с торками, где остатки коня клали в засыпку могильной ямы, но сверху над покойником [Плетнева, 1981, с. 218, 262, рис. 85, 5].

Исходя из свидетельств этнографического характера, можно говорить о том, что в кочевой степи отношения кочевников и жителей стационарных поселений не базировались на политическом доминировании последних. Так, в Аравии кочевники-бедуины традиционно занимали господствующее положение относительно земледельцев-феллахов, с которых они собирали не только дань, но и защищали их от набегов других кочевников. Каждое кочевое племя имело свой населенный пункт, где кочевники обменивали продукцию животноводства

на продукты земледельцев. Бедуины посещали такие поселения в определенное время года – мусабила. Представители обедневших бедуинских родов могли оставаться жить в этих стационарных поселениях в степи [Бодянский, 1971, с. 85].

Таким образом, в интересующей нас ситуации было бы удивительно, если бы кочевые печенеги и торки-огузы не стремились прокладывать маршруты своих передвижений вблизи от Саркела, который мог являться не только крепостью, но и крупным экономическим центром. Следовательно, периодическое появление кочевников у стен города должно было диктоваться, в первую очередь, экономическими интересами. Именно это и способствовало тому, что кочевники надолго задерживались в городе, где осуществляли торговый обмен своей животноводческой продукцией на товары, привозимые купцами издалека. Именно это и привело к значительной концентрации курганных захоронений вблизи стен Саркела – Белой Вежи. Не исключено, что в древнерусский период маршруты кочевий печенежских и торческих родов в определенное года пересекались у стен города, что и привело к установлению между ними родственных связей, в результате чего появился общий (восточный) участок курганного могильника.

Как видим, несмотря на нерешенность вопросов стратиграфии и хронологии Правобережного Цимлянского городища, следует признать, что это укрепление продолжало существовать во время строительства Левобережного городища (Саркела). Необходимо отметить, что местоположение Саркела, в комплексе с Правобережным укреплением и линией обороны сухопутного волока от Дона к Волге, было выбрано очень удачно. Находясь на переправе, Саркел и Правобережная крепость, с одной стороны, преграждали путь кочевникам с запада к Волго-Донскому волоку, а, с другой стороны, могли контролировать проходящие по Дону суда. Возможна и мирная функция двух находящихся на противоположных берегах реки поселений – в обязанности их жителей входило обслуживание переправы, что со временем привело к тому, что Саркел стал важным экономическим центром не только для купцов, но и для кочевников. В данном случае хотелось бы признать перспективными исследования аналогичных двойных салтовских поселений и в других местах Хазарского каганата (например, в бассейне Северского Донца Салтовское городище и Нетайловское поселение).

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И.* Саркел и некоторые другие укрепления Хазарии // СА. 1960. № 6.
Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. 1940. Вып. 1.
Бодянский В. Л. Современный Кувейт. М., 1971.
Васильевский В. Г. О построении крепости Саркела // ЖМНП. 1889 (октябрь). Ч. ССLXV. СПб., 1889.
 Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VII. СПб., 1856.
Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870.

- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.—Иерусалим, 1997.
- Грушевський М. Історія України-Руси. Т. I. К., 1991.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843.
- Житие Константина. Житие и деяния блаженного нашего учителя Константина Философа, первого наставника славянского племени // <http://ru.pravoslavie.bg/?p=3427>
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г.г. Харьков, 1956.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991.
- Кримський А. Ю. Історія хазарів // Інститут рукописів Національної бібліотеки України ім. В. Вернадського. Ф. I. № 25500.
- Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948.
- Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Плетнева С. А. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). №109. М., 1963.
- Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1981.
- Плетнева С. А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону. М., 1990
- Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1995
- Плетнева С.А. Саркел и „шелковый путь”. Воронеж, 1996.
- Плетнева С. А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфические исследования. Воронеж, 2006.
- Повесть временных лет / Под ред. Д. С. Лихачева. Ч. I. М.–Л., 1950.
- Продолжатель Феофана. СПб, 2009.
- Свистун Г. Е. К вопросу о военно-стратегическом назначении салтовских городищ в лесостепной зоне Северскодонецкого микрорегиона // Хазарский альманах. Вып. 10. К. –Харьков, 2012.
- Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.
- Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. М., 1971.
- Успенский Ф. И. Византийские владения на берегу Черного моря к IX–X вв. // Киевская старина. Т. XXV. К., 1889.
- Худуд ал-Алем (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
- Флеров В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987-1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1995.
- Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.
- Georgius Cedrenus. / Ed. I. Bekker. Т. II. Bonn, 1839.
- Ioanus Scylitzes. Synopsis Historiarum. / Ed. I. Thum. Berlin, 1973.
- Minorsky V. Hudud al-Alam. The regions of the world. London–Oxford, 1937.
- Pritsak O. The Pečenegs. Case of Social and Economic transformation. Cambridge Mass., 1976.
- Theophanes Continuatus. / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838.

О. Б. Бубенок

СТРАТЕГІЧНЕ ПОЛОЖЕННЯ САРКЕЛА В СТЕПАХ ВОЛГО-ДОННЯ

Резюме

Автор статті згоден з тими дослідниками, які вважають, що Правобережне Цимлянское городище продовжувало існувати за часів будівництва Лівобережного городища (Саркела). Місце розташування Саркела, в комплексі з Правобережним укріпленням і лінією оборони сухопутного волока від Дона до Волги, було вибрано дуже вдало. Знаходячись на переправі, Саркел і Правобережна фортеця, з одного боку, перегороджували шлях кочівникам із заходу до Волго-Донського волока, а, з іншого боку, могли контролювати судна, що проходили по Дону. Можлива і мирна функція двох поселень, що знаходилися на протилежних берегах ріки, – в обов'язки їхніх жителів входило обслуговування переправи, а це привело до того, що Саркел став важливим економічним центром не лише для купців, а й для кочівників: угорців, печенігів та торків.

О. Б. Бубенок

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ САРКЕЛА В СТЕПЯХ ВОЛГО-ДОНЬЯ

Резюме

Автор статьи согласен с теми исследователями, которые считают, что Правобережное Цимлянское городище продолжало существовать во времена строительства Левобережного городища (Саркела). Местоположение Саркела, в комплексе с Правобережным укреплением и линией обороны сухопутного волока от Дона к Волге, было выбрано очень удачно. Находясь на переправе, Саркел и Правобережная крепость, с одной стороны, преграждали путь кочевникам с запада к Волго-Донскому волоку, а, с другой стороны, могли контролировать проходящие по Дону суда. Возможна и мирная функция двух находящихся на противоположных берегах реки поселений – в обязанности их жителей входило обслуживание переправы, что привело к тому, что Саркел стал важным экономическим центром не только для купцов, но и для кочевников: венгров, печенегов и торков.

О. В. Bubenok

STRATEGIC POSITION OF SARKEL IN THE STEPPES OF THE VOLGA-DON BASINS

Summary

The author of this article agrees with those researchers, who consider that the Right-bank Cymliansk fortress continued to exist in the days of building of the Left-bank fortress (Sarkel).

The place for Sarkel, in a complex with the Right-bank fortress and a line of defense of land from the Don to the Volga, was chosen very successfully. Being on a ford, Sarkel and Right-bank fortress, from one side, blocked up a way to the nomads from the west to the Volga-Don land way, and, on the other side, ships passing along the Dong could be controlled. The peaceful function of two settlements situated on the far banks of the river was possible – maintenance of ford was included in the duties of their habitants. As a result, Sarkel became an important economic center not only for merchants but also for nomads – the Hungarians, Pechenegs, and Torks.

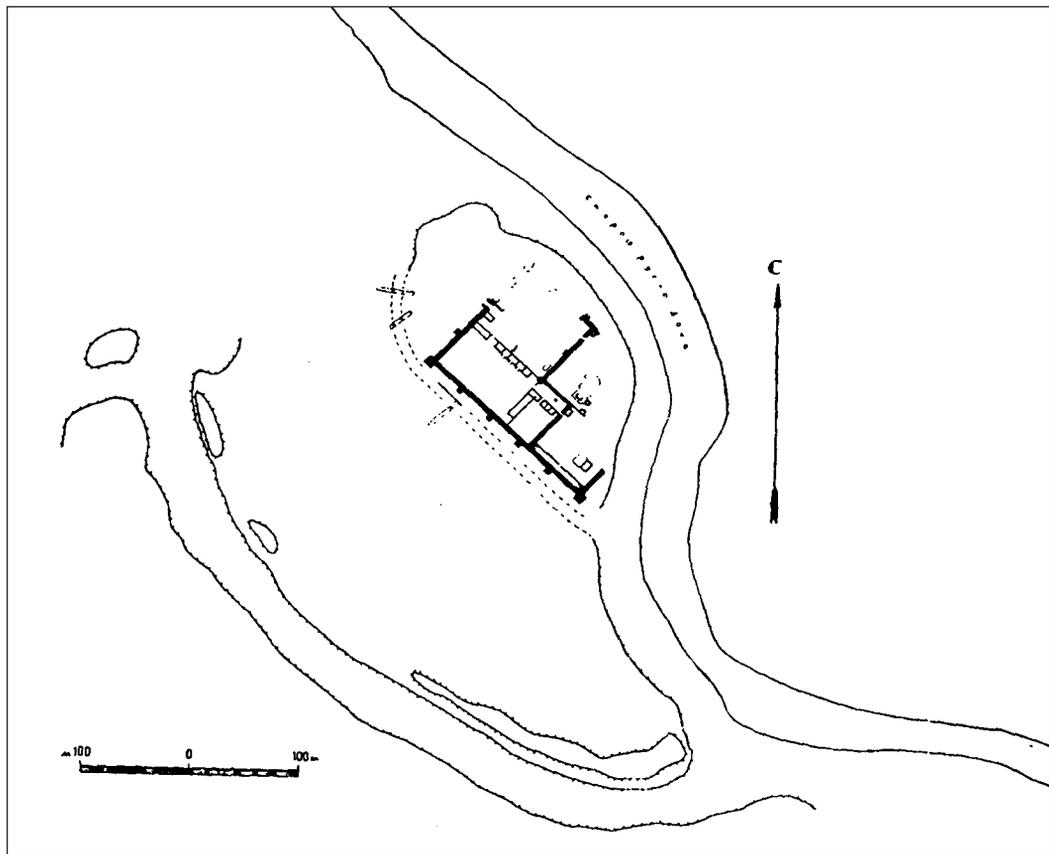

Рис. 1. План крепости Саркел (по данным М. И. Артамонова).

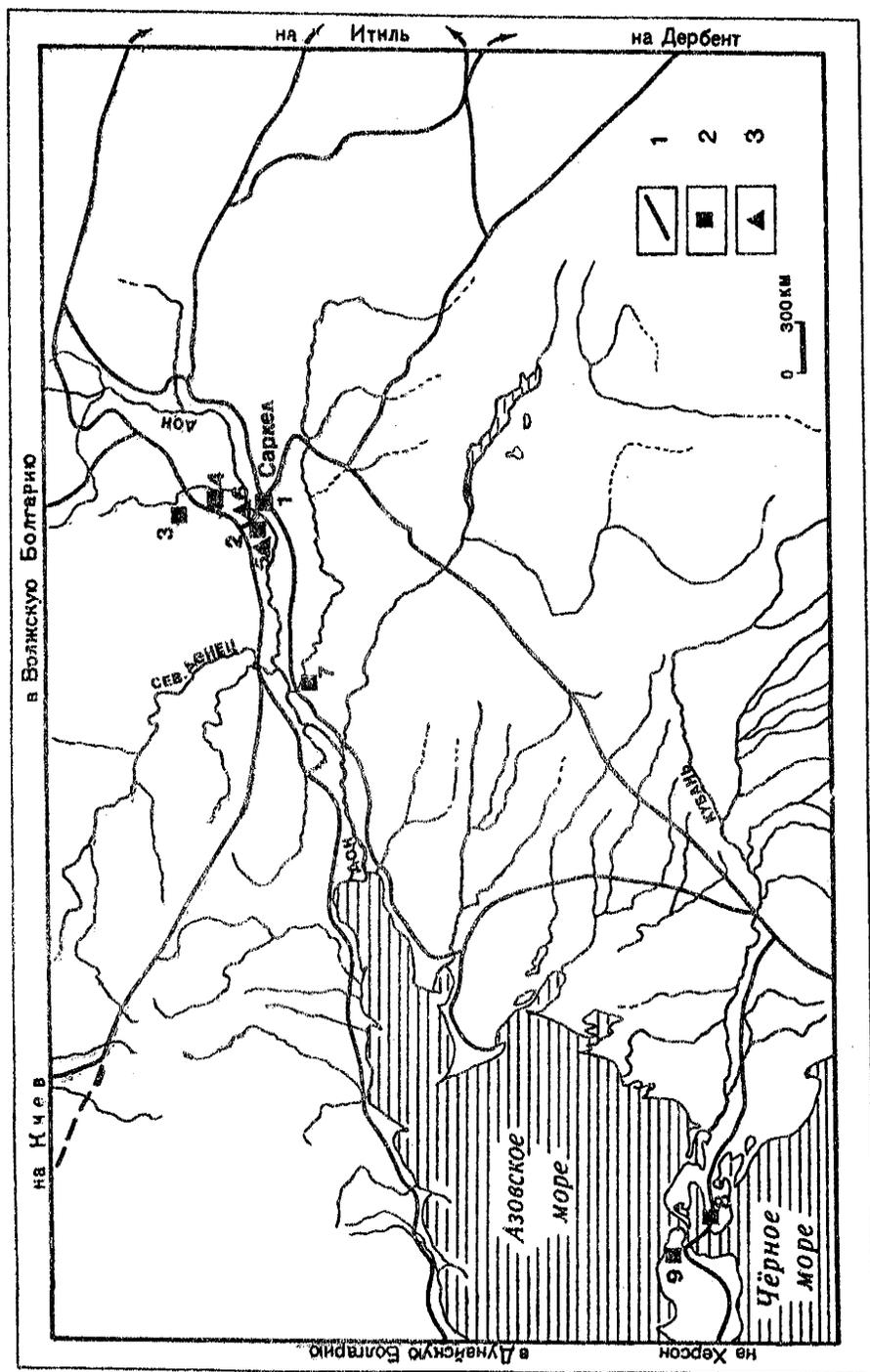

Рис. 2. Дороги, идущие от Саркела на юг, восток и запад (по данным С. А. Плетневой):

№ 1 – Саркел; № 2 – Правобережное Цимлянское городище; № 3 – Карнаухово; № 4 – Средний; № 5 – Крутой; № 6 – Потайновский; № 7 – Семикаракоры; № 8 – Тамагарха (Тамань); № 9 – Самкерц (Керчь); 1 – дороги; 2 – укрепления; 3 – селища.

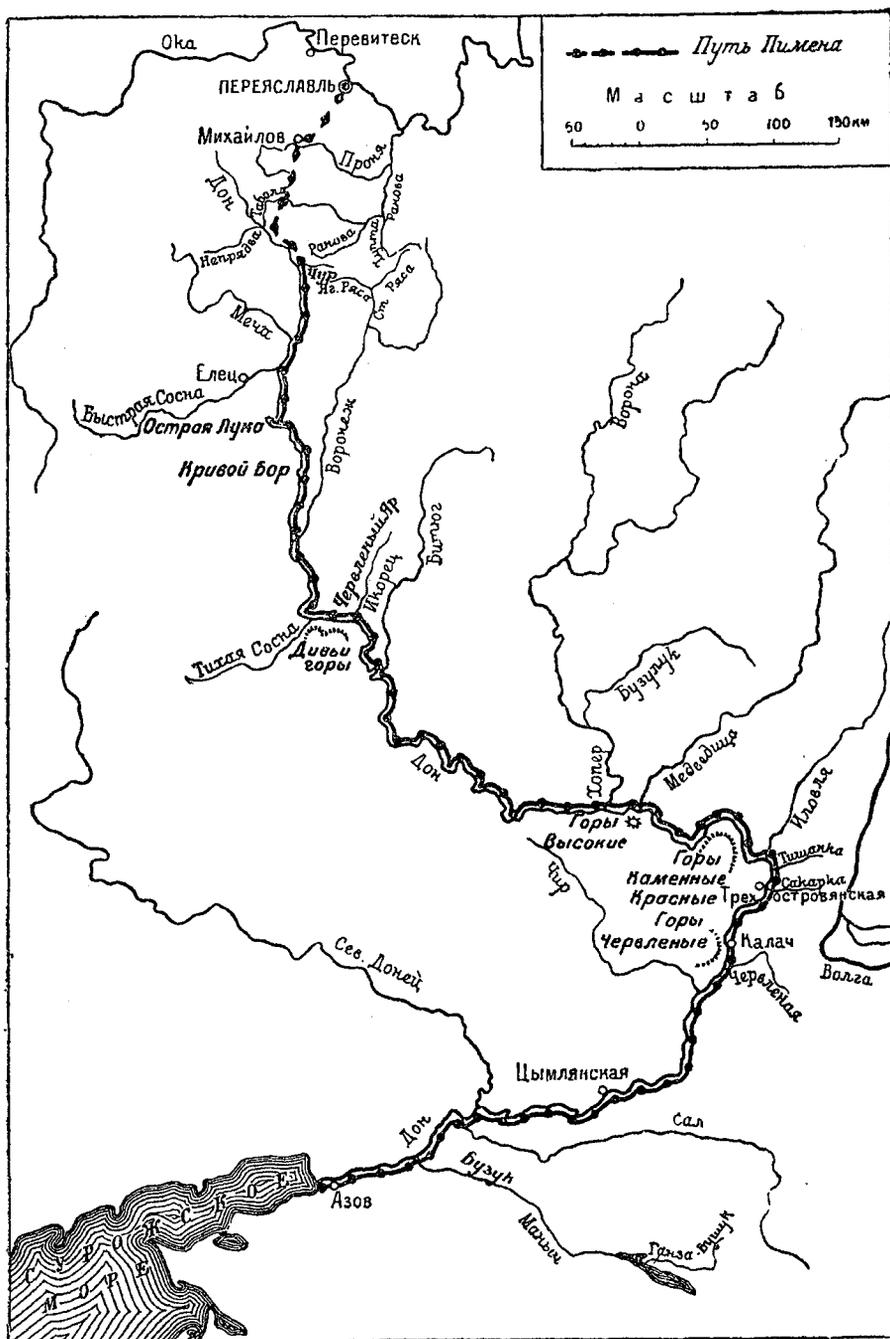

Рис. 3. Хождение Пимена по Дону в 1389 г. (по данным К. В. Кудряшова).

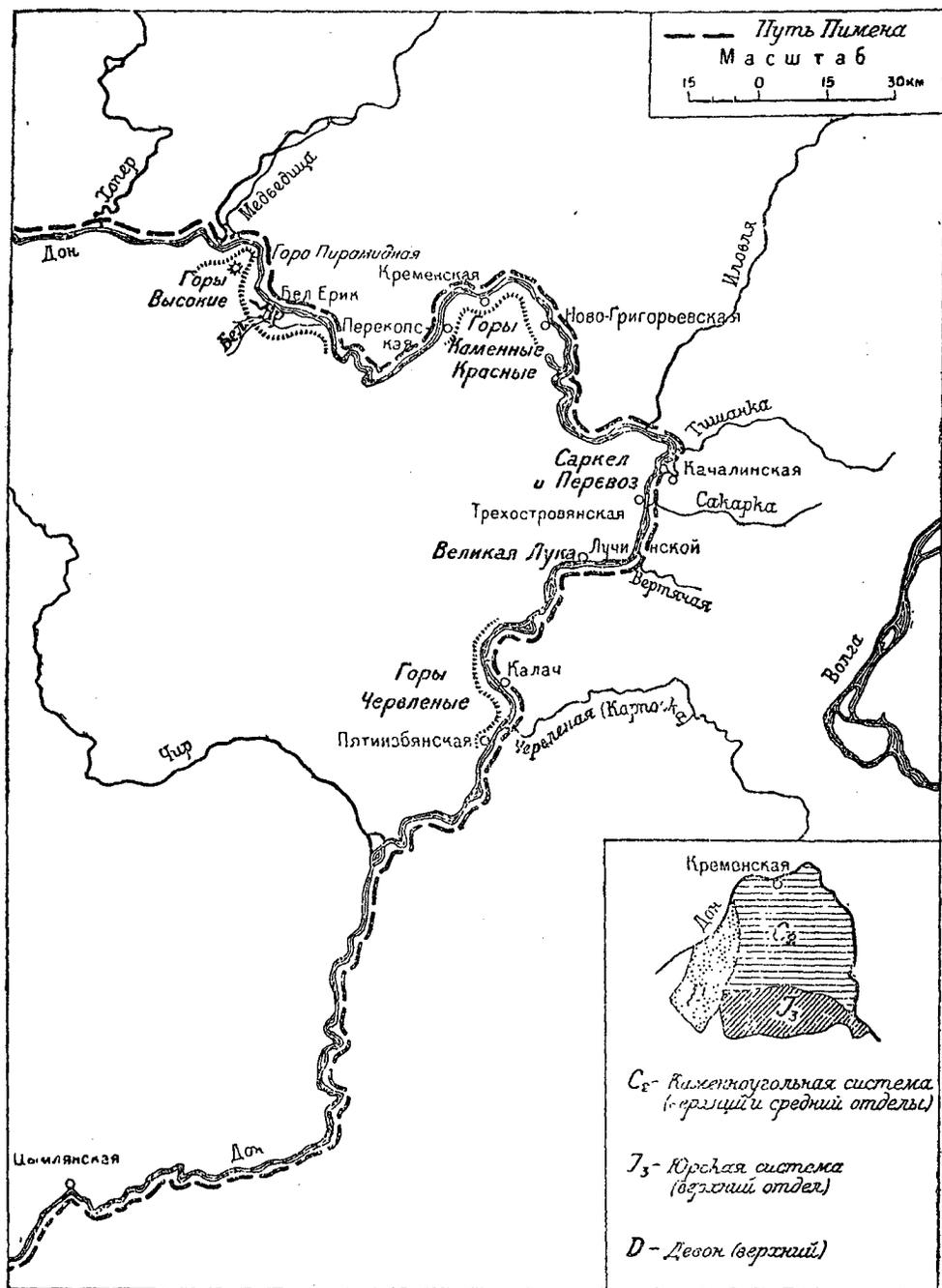

Рис. 4. Хождение Пимена по Дону в 1389 г. от устья Медведицы до Цимлянской (по данным К. В. Кудряшова).

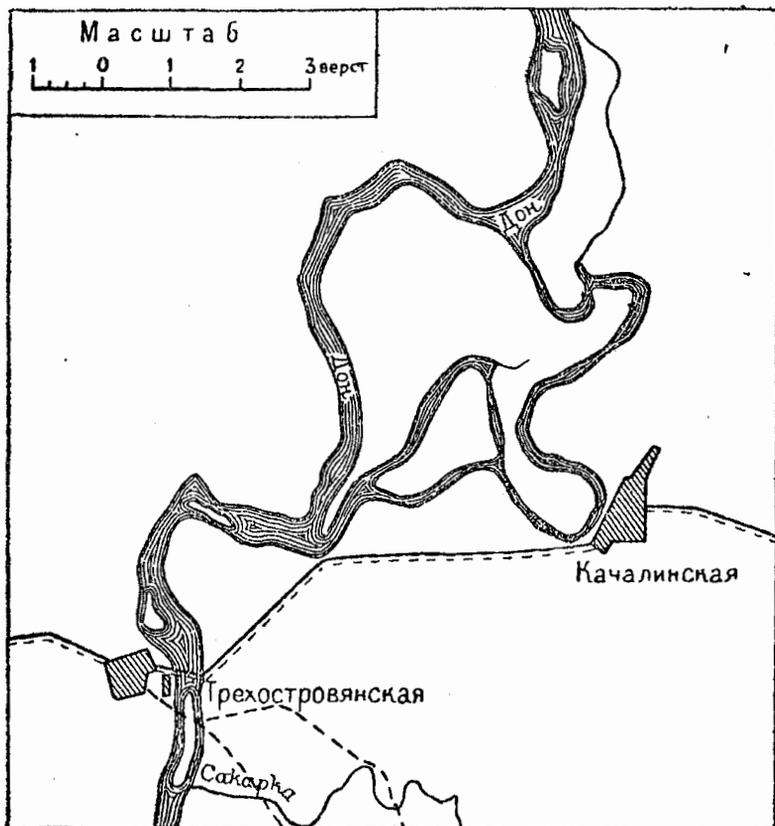

Рис. 5. Трехостровьянская станица и остров Перевозный (по данным К. В. Кудряшова).

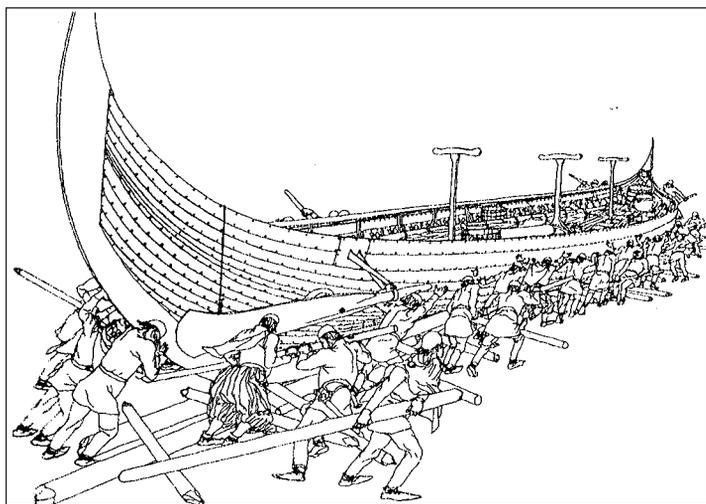

Рис. 6. Преодоление сухопутной преграды викингами (по данным Й. Хермана).

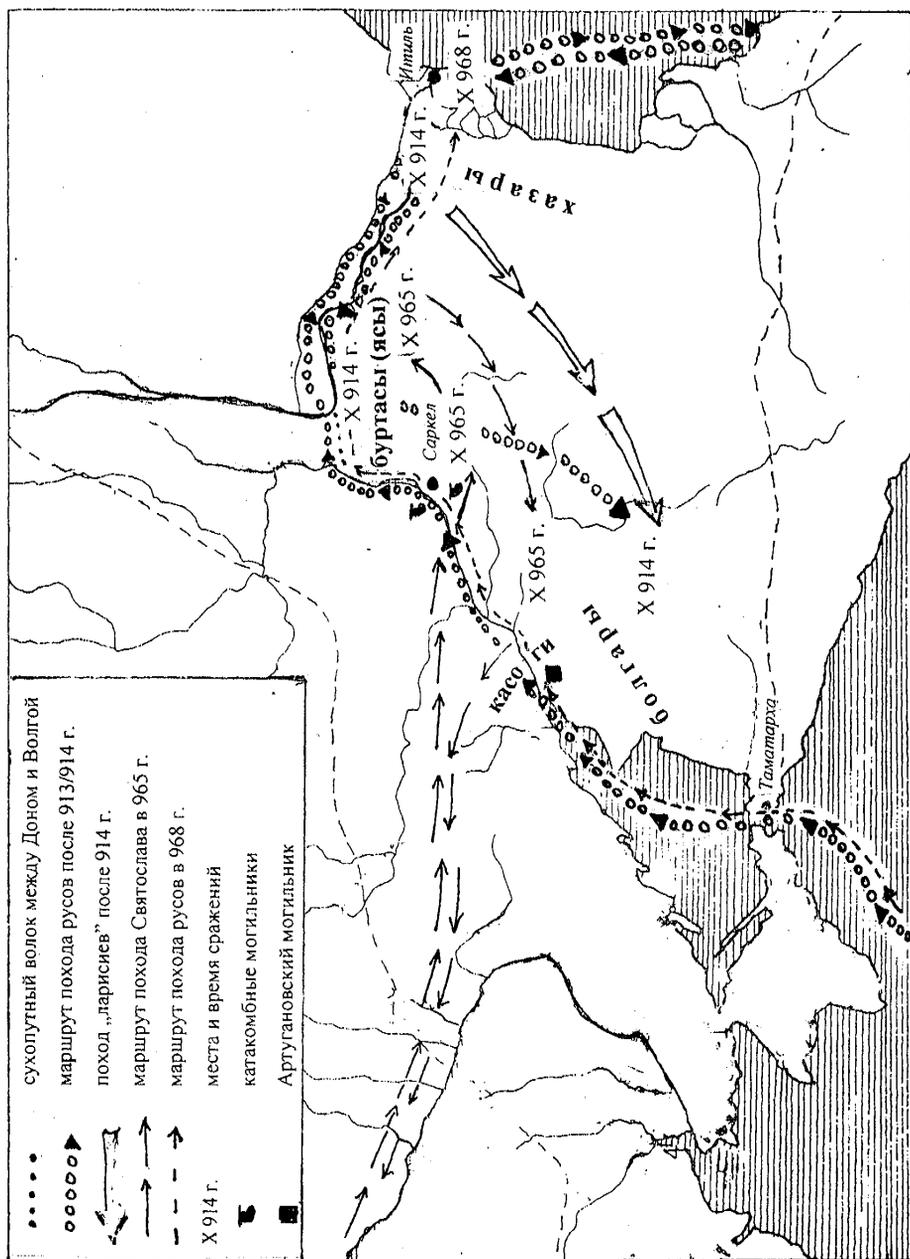

Рис. 7. Функционирование Волго-Донского пути в X в.

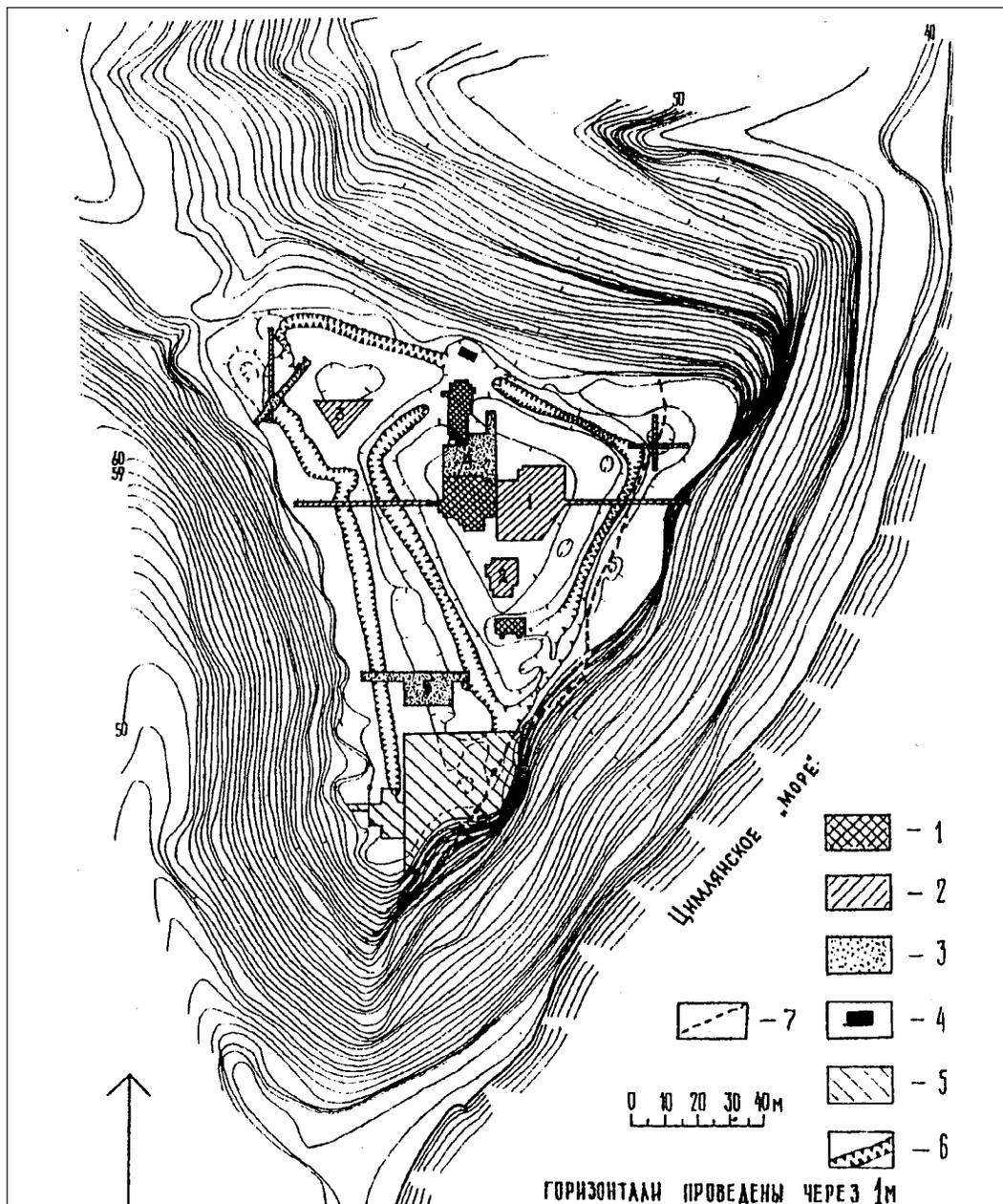

Рис. 8. План Правобережного Цимлянского городища с нанесенными на него раскопами (по данным С. А. Плетневой):

1 – раскопы И. И. Ляпушкина; 2 – раскопы С. А. Плетневой 1958 г.; 3 – раскопы С. А. Плетневой 1959 г.; 4 – башня на северо-восточной стене; 5 – раскопы В. С. Флерова; 6 – «выемки» от разобранных стен крепости; 7 – линия берегового обрыва в 1989 г.

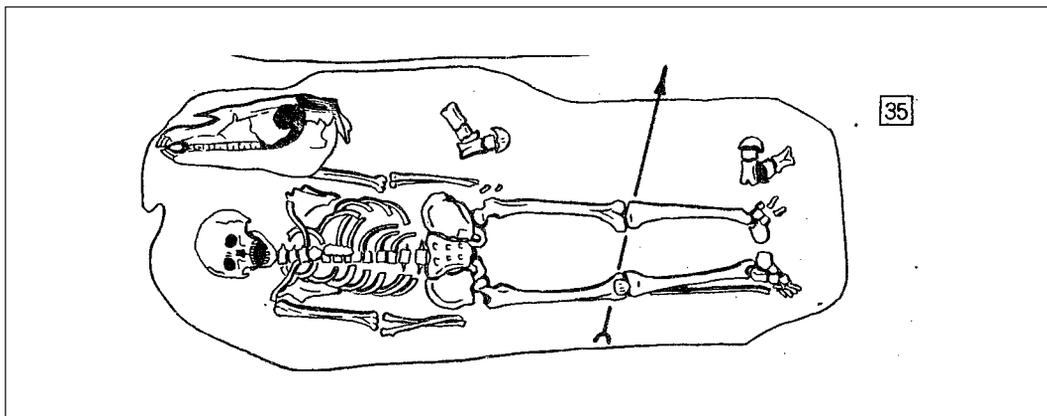

Рис. 9. Захоронение чучела коня рядом с покойником в могильной яме под насыпью кургана № 35 в восточной части кочевнического могильника возле Саркела – Белой Вежи (по данным С. А. Плетневой).

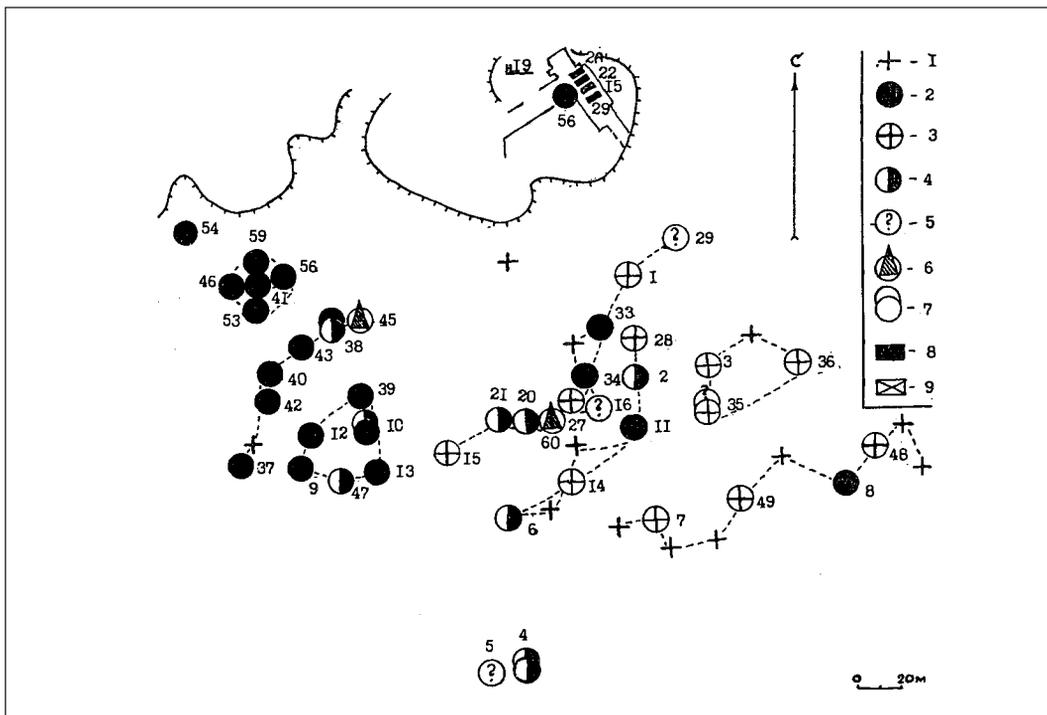

Рис. 10. План курганного могильника вблизи Саркела и распространение на нем основных антропологических типов (по данным С. А. Плетневой):

1 – нераскопанные курганы; 2 – курганы с захоронениями европеоидов; 3 – курганы с захоронениями монголоидов; 4 – курганы с захоронениями людей смешанного типа; 5 – курганы с антропологически неопределимыми погребениями; 6 – курганы с захоронениями останков коней (кенотафы); 7 – курганы с впускными захоронениями; 8 – погребения европеоидов в насыпи 19; 9 – погребение монголоида в насыпи 19.

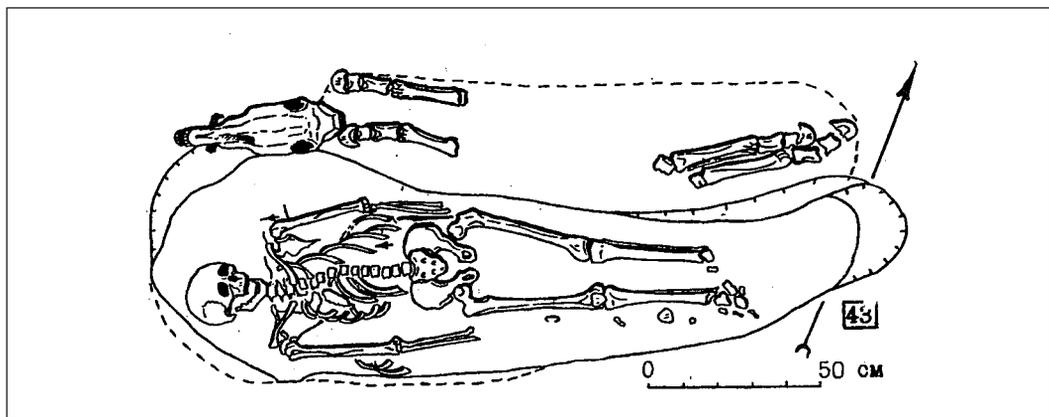

Рис. 11. Захоронение останков коня на приступке выше покойника под насыпью кургана № 43 в западной части кочевнического могильника возле Саркела – Белой Вежи (по данным С.А. Плетневой).